

лается на Приска Панийского.

Фредегар, составляя рассказ о битве, происшедшей на Каталаунских полях, также опирался на «Историю франков»³⁵. В отличие от Григория Турского, уделяющего большое внимание биографии Аэция и битве на Каталаунских полях³⁶, Фредегар построил свой рассказ по новеллистической схеме. Во-первых, Аэцию приходится действовать не столько мечом, сколь хитростью. Именно поэтому произошла симметризация мотива. Считается, что полководец нанес в союзе с готами и франками поражение гуннам, но Фредегар освобождает римские войска от участия в битве и предоставляет Аэцию роль «третьего радующегося», И готы, и гунны платят Аэцию в качестве выкупа одинаковые суммы. Во-вторых, Фредегар реабилитирует франков, которые не были обмануты хитростью полководца, но оставались с ним до конца, преследуя гуннов. Видимо, они принимали участие в ночном сражении, когда Аэций приказал разложить костры вокруг лагеря гуннов. В-третьих, если Григорий Турский особо подчеркивает роль жены Аэция, чьи молитвы заставили небо позаботиться о ее муже, то у Фредегара полководец добывает победу благодаря своей мудрости и поступку, во многом напоминающему стремление шакала Димны стравить две стороны друг с другом, прикидываясь доброжелательным советником. Композиция известия построена на редупликации совета, который Аэций дал Торисмоду: не продолжать битву, пытаясь разгромить гуннов, а возвратиться в свои владения и занять трон отца³⁷. У Григория Турского эти слова Аэция представлены несколько иначе: «Скорее возвращайся домой, а не то из-за происков брата потеряешь отцовское царство»³⁸. Фредегар использует формулировку, предложенную Григорием, но редуплицирует этот мотив. Предпосылку для подобной редупликации можно обнаружить в тексте Иордана, сообщающего, что посреди ночи Аэций оторвался от своих и блуждал какое-то время среди врагов³⁹. У Фредегара известие о случайности перерастает во встречу между Аттилой и Аэцием.

Все числа в рассказе представляются значительно завышенными⁴⁰. Не исключено, что описание битвы было включено в его сочинение из-за истории с золотым блюдом, украшенным драгоценными камнями, — главным сокровищем, которым обладали готы. Во времена короля Дагоберта это произведение искусства было оценено в двести тысяч солидов — огромную сумму. Для сравнения можно указать, что с лангобардов по повелению Гунтрамна и Хильдеберта взималась ежегодная дань в размере двенадцати тысяч солидов, а чтобы откупиться от этой дани, король Агилульф истратил тридцать девять тысяч: по тысяче каждому из майордомов и тридцать шесть тысяч самому королю Хлотарю II⁴¹. Неудивительно, что готское сокровище волновало воображение людей на протяжении нескольких столетий (описания ювелирных изделий очень редко встречаются в источниках) и так почиталось самими владельцами, поэтому они предпочли отдать сказочный выкуп, только бы не расстаться с ним. Блюдо было ценно как уникальная вещь, поскольку приведенная стоимость — пятьдесят ливров — равнялась всего шестнадцати килограммам золота (Элевтерий заключил с лангобардами договор о ежегодных выплатах с римлян в размере пятисот фунтов, то есть в десять раз больше). вполне возможно, что Фредегар мог слышать историю о блюде, ставшем символом Каталаунских трофеев⁴², от одного из послов, побывавших в Испании, и это вдохновило его воображение.

Не исключен и другой вариант. Блюдом мог заинтересоваться святой Элигий, придворный

³⁵ «Хроника Фредегара». II, 53.

³⁶ Григорий Турский. «История франков». II, 5 — 8.

³⁷ Иордан. «История готов». 216.

³⁸ Григорий Турский. «История франков». II, 7.

³⁹ Иордан. «История готов». 212.

⁴⁰ Исключение составляет число убитых — эти сведения Фредегар позаимствовал у Идатия, упоминающего о трехстах тысячах погибших (Идатий. Хроника. 142).

⁴¹ «Хроника Фредегара». II, 45.

⁴² Григорий Турский сообщает, что Аэций собрал богатую добычу.